

HISTORIČNA DOKUMENTACIJA**VLADIMIR MARTELANC, NARODNO VPRAŠANJE V NAŠI POLITIKI
V JULIJSKI BENEČIJI (1923—1927)**

Arhiv Inštituta za zgodovino delavskega gibanja hrani rokopisno besedilo spominov o narodnem vprašanju v Julijski krajini, ki jih je napisal Vladimir Martelanc leta 1933 v Sovjetski zvezi na pobudo ing. Dragotina Gustinčiča. Rokopis je pisan v ruščini in s črnilom na 10 listih formata 20 × 31 cm, popisanih na obeh straneh. Ing. Gustinčič ga je skupaj s prevodom leta 1963 oddal IZDG z naslednjim pojasnilom:

»Ko sva z Vladom Martelancem nekoč v Moskvi (menda l. 1933.) razpravljala o narodnem vprašanju v Julijski Krajini in o Regentovih stališčih o tem vprašanju, sem ga naprosil, naj napiše spomine na svoje boje o narodnem vprašanju v KPJ. To je on tudi storil in mi kmalu poslal svoj rokopis »Национальный вопрос в нашей политике в Июл. Венеции (1923—1927). Из воспоминаний«. Rokopis pa je bil tako slabo napisan, da ga nisem mogel prečitati in sem ga odložil, da ga dešifriram kedaj pozneje. Prišla pa je Španija, ki me je skoro za tri leta odtrgala od mojega političnega in znanstvenega dela in tako je ostal ta rokopis neprečitani v mojem arhivu. Martelanc je napisal te svoje spomine na ruskem jeziku najbrž zato, da da meni podatke o dotedanji naši nacionalni politiki v Julijski krajini, ker sem se prav tedaj bavil z vsemi tremi stranikami (jugoslovansko, italijansko in avstrijsko) za koordiniranje taktike v narodnem vprašanju Slovencev. Ti lepi podatki pa so zaradi slabo čitljivega rokopisa ostali neizkoriščeni. Sedaj (decembra 1962) sem našel ta Martelančev rokopis med svojimi spisi in ga z veliko muko prečital. Zdi se mi, da je kot zgodovinski prispevek pomemben in zato sem ga dešifriral in ga istočasno prevedel na slovenski jezik.«

Uredništvo Prispevkov se je zaradi pomembnosti vira odločilo, da ga objavi v originalu in v prevodu — z opombami Milice Kacin-Wohinz in z orisom avtorjeve življenjske poti. Rokopis je transkribiral s pisalnim strojem konec aprila 1980 Janez Zor, lektor ruskega jezika na Filozofski fakulteti Univerze Edvarda Kardelja v Ljubljani in obenem s pomočjo uredništva Prispevkov preveril Gustinčičev prevod ter ga uskladil z originalom.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАШЕЙ ПОЛИТИКЕ В ИЮЛ. ВЕНЕЦИИ. (1923—1927)

(Из воспоминаний)

Летом 1923. г. имели ряд бесед с Пертогом на эту тему. Критика Коминтерном КПЮ, первые статьи Дж. Цвинича в загреб. «Борьбе», а также и опыт нашей деятельности за последнее время, его и меня убедили в том, что и у нас необходимо выработать свои конкретные установки в нац. вопросе, что проходить мимо этих вопросов как до сих пор будет означать действительно, что мы себя поставили вне словен. политич. жизни и дадим нашим националистам возможность оправдания их звания «верховных представителей слов. национальных интересов в Италии». Согласились мы с Пертогом в том, что должны в нашей пропаганде и агитации подчеркивать факт, что националь. освобождение связано с социальным освобожд. пролетариата, что мы коммунисты, борясь против империализма боремся тем самым и против нац. угнетения и что разбив фашист. государство в Италии и великосерб. диктатуру в Югославии, создадим действительн. возможность слов. нац. свободы в рабоче-крестьян. республике. В порядке частных требований, наравне н. пр. с борьбой вокруг вопросов зарплат, раб. времени, соц. законодательства и т. д. должны ставить и вопрос о школах, о слов. языке в учреждениях и т. д. Также и Густинич, с которым я был связан регулярной перепиской, из Вены подчеркивал необходимость заняться нац. вопросом. Но это были покамест еще одни разговоры.

В августе я был с Водоливцем в Любляне. Здесь я застал уже более подготовленную почву, вследствие живого обсуждения этого вопроса в рядах КПЮ. «Среди важных полит. вопросов, — писал я из Любляны в «Дело» — занимается наша партия первым делом нац. вопросом, с целью наметить себе ясную тактику, становящуюся все более необходимой в виду разложения и предательства автономистско-федералистской оппозиции (sic!)... Дело идет о том, чтобы наша партия при помощи умной национальной политики завоевала на свою сторону разочарованные массы словенского, хорватского, боснийского и македонского трудового народа, которые сумели «оппозиционные» партии со своей демагогической политикой, в виду господства централистской буржуазии — вовлечь в свое русло. Этот нац. вопрос который широко обсуждался на последнем заседании ИККИ в Москве, является для пролетарской революции вопросом громадной важности и также и мы в Июл. Краине должны будем начать заниматься им.»

Под осень фашизм наступает у нас с широко развернутыми антисловенскими действиями. Было это во время, когда Муссолини с целью дать своим разваливающимся рядам опять необходимую спайку, развертывает перед ними широкую империалист. кампанию. Начинают воспеваться империализм, традиции древне-римской империи, начинает даже публиковаться большая газета «Impero», призывается к готовности к войне с целью расширения «отечественной славы». Корфская авантюра была первым большим проявлением этой новой «империйской эры». Одновременно идет наступление против «инородцев». В сентябре начинают рассчитывать у нас временных учителей — «нежелательных элементов». Увольняют со службы около 200 словен. и хорватских учителей на

основании «плохих информаций». Одновременно объявляется о вступлении в силу школьной реформы Джентиле, согласно которой вводится в основные школы итальян. учебный язык, допуская родной язык лишь в качестве внеурочного предмета. Среди всего населения поднялась буря протеста. Националисты зашевелились. Началась агитация за бойкот школы, заговорили о широких массовых выступлениях и действиях. В Югославии начались большие демонстрации, в Австрии и Германии развернулась кампания из-за Южн. Тироля. Итал. правительство отвечает декретом о том, что вся «инородная» печать должна публиковаться на двух языках, каждой статье должен следовать италийский перевод. «Единство», «Истарска реч» и «Учительский лист» передаются в суд за «призыв к неповиновению». Националисты отвечают острым протестом словен. и немецких депутатов в парламенте, Вильфан выступает на международ. междупарламент. конференции. — Но после провала Корфской авантюры атмосфера разряжается немного и у нас. Реформа Джентиле пока не вступает в силу, Муссолини отменяет декрет о «двуязычной» печати.

Эти события могли послужить наглядным примером того, насколько нац. вопрос является у нас актуальным и насколько слов. националистические партии несмотря на утерю своего авторитета в нашу пользу, являлись все еще жизненной силой. Все славянское население, несмотря на полит. ориентацию сочувствовао им в те дни и отсутствие всякой установки в нац. вопросе в нашей партии имело естественным последствием тот факт, что и многие коммунисты плелись в их хвосте, кроме тех конечно, которые продолжали оставаться на своих «непримиримых» позициях (т. е. занимали установки, что нас, как интернационалистской и классовой партии — нац. вопрос не касается). В августе «Дело» публикует большую статью (по видимому Регента) о реакции у нас, в которой еще всячески уменьшается значение этой реакции, а политика нац. угнетения у нас объясняется не общими империалист. интересами итал. буржуазии, а интересами отдельных итал. предпринимателей в наших местностях. «Если реакция не чувствовала необходимости наступать в провинции до завоевания власти (фашистами), имела на столько меньше причины после него; ибо положение в государстве не зависит же от этого пограничного обрубка, на котором живут словенцы и хорваты. Если она все-же наступила, то это были действия отдельных горячих голов, которые могли быть Италии в лучшую пользу. Коммунистов государственные границы не интересуют, а между слов. и итал. мелкой буржуазией искотилось еще то тихое и прикрытое мирное сожительство, которое еще существовало.» В дальнейшем следят пламенные статьи И. Пахоря против школных реформ, но их конкретная установка заключалась в простом присоединении к кампании протеста, проводимой националистами, лишь немногим отличаясь от общей националист. фразеологии и оперируя кроме того преимущественно протестами от имени совести, культуры, цивилизации и т. п. О школьной реформе заговорил теперь и Регент: «Учить детей на языке, которого те не понимают, это глупость и несправедливость, от которых страдает право национальностей на воспитание на собственном языке и еще больше страдают ученики, которые при лучшем желании не смогут ничего научиться.» Но вместо того, что бы дать конкретные боевые лозунги, он опять ограничивается тем, что указывает на национализм вообще, как основное зло, «который всюду где он находится в меньшинстве, требует для себя одинаковых

прав с большинством, а там, где в большинстве и во власти, отрицает инородным меньшинствам все то что он, находясь в меньшинстве, требовал для себя.» «Лишь пролетар. государство... разрешает нац. вопрос о правах нац. меньшинств.»

В начале октября, по поводу итал-югосл. конфликта изза Фиуме выходит впервые и Ц. К. Партии с заявлением, в котором касается нац. вопроса. «Пусть принадлежат любой национальности, пусть говорят на любом языке, имеют жители Фиуме право быть свободными, также как имеют право на нац. свободу италиянцы проживающие на восточном Адриатическом побережии, словенцы и хорваты в Июл. Краине и немцы в верх. долине Эч.»

В сентябре выступил и я со статьей — правда, еще в многом путанной — о «защите нац. меньшинств», в которой выдвигал положение, что наша борьба должна стать и борьбой национально угнетенных масс за свое освобождение: «... русская революция дала крестьянам землю и угнетенным национальностям равноправие и свободу.» Недавно читали даже в «Единности» передовицу, в которой говорится, что во всем мире лишь Сов. Россия разрешила совсем справедливо нац. вопрос и удовлетворила этим все свои народы... (В 1918. г.) была в значительной степени вина пролетар. движения, что оно не завоевало на свою сторону мелких народов Сред. Европы, поскольку было еще пропитано соц. дем. традициями и решало все нац. вопросы с беззаботным замахом руки — это нас просто не интересует... Пролетар. революция сможет победить лишь под условием, что ее дело, ее идея, становится делом большинства широких трудовых слоев народа и с этой целью она должна связаться с освободительной борьбой мелкого крестьянина и с освободительной борьбой угнетенных народов... В Европе старается заполучить монополию над нац. чувством, которое еще глубоко вкореннено особенно в полупролетарских и крестьянских слоях, капиталист. реакция... Коммунисты должны по поводу этих явлений доказать, что наше дело — дело всех угнетенных... В Германии К. П. доказала(?) что она борется против закрепощения Германии со стороны франц. империализма, а не фашисты, которые стараются эту освободительную борьбу использовать в интересах немецкой буржуазии, пактируемой уже за спиной с франц. капиталом. В Италии должна наша партия доказать, что фашизм ведет итал. народ и Италию в пропасть, действуя в интересах крупного капитала и против интересов итал. трудовых масс, составляющих ядро и большинство итал. народа. Единственный путь Италии — только в раб.-кресть. республике, которая вступит как равноправный член и без национальных предрассудков в федерацию европ. народов. Также и югослав. национальности, борющиеся сегодня против гегемонии сербской буржуазии должны убедиться, что освободятся лишь в случае, если свяжут свою борьбу с борьбой рабочего класса. — Как представляется нам этот вопрос у нас, в Июл. Краине? Итал. правительство, представляющее итал. капиталист. буржуазии старается насильственно задушить слов. национальность в Июл. Краине, выгоняет слов. язык из школ и учреждений стараясь т. о. довести до «ассимиляции», насильственной денационализации этих местностей, аннектированных со стороны Италии уже так против воли громадного большинства всего населения и против всех экономических интересов области. Лишь небоевое настроение (?!?) нашего крестьянского и мелкобуржуазного населения задержало возникновение открытого иредентист. движения, которое могло иметь в виду этих условий

очень благоприятную почву, в то время как революц. пролетариат ориентирован на нашу партию. Полит. общество «Единость» поставившее себе задачу объединить все народные массы в борьбе за «нац. права», ведет, понятно буржуазную политику пресмыкания перед италиянскими буржуазными магнатами, ибо его политикой руководят интересы словенского мещанства и мелкой буржуазии, являющиеся всем, но не революционным. Способ при помощи которого оно борется за защиту «нашего нац. меньшинства» не может довести до каких-либо реальных успехов. Наша задача в Июл. Краине — доказать, что с буржуазной политикой нельзя разрешить здешнего нац. вопроса, а лишь с пролетарской. От наших националист. вождей самых слышим обыкновенно разговоры о том, что у нас на деле нет капиталистов и что должны быть поэтому все едины против совместного националь. противника. Как-же может быть серьезный пролет. революционер единым с людьми, которые признают фашист. реакцию преклоняясь перед ней, с людьми, которые посылают своих представителей на междупарламентарн. капиталист. конференции, где довольствуются с такими требованиями в отношении защиты нац. меньшинств, что аплодирует их речам вся высокая буржуазная господа, поддерживающая в собственных странах нац. укрепление? Если действительно у нас нет капиталистов, то было бы логичным, чтобы борьба слов. нац. меньшинства примкнула к борьбе международного пролетариата, к борьбе рабоче-кресть. России, а не к политике международной буржуазной реакции, к политике чешской и сербской буржуазии, которые обе проводят насильственное господство над своими укрепленными национальностями и нац. меньшинствами.» Следят затем слова К. Радека из его известной речи по поводу расстрела Шлагетера и призыв тем, «кто на деле действует за свободу своего народа, (что) должен и у нас примкнут к реальному пролет. движению, если не хочет быть, как немецкий Шлагетер, путешественником в ничего».

Понятно, что эта статья вызвала живой отклик в наших рядах. Она положила начало длительным спорам между нами, которые к сожалению не были перенесены в парт. организацию, а ограничивались лишь на наши беседы с Регентом и др. тт. С. другой стороны она вызвала определенный отклик среди молодежи и такие тт. как н. пр. Водопивец и др. черпали из нее чуть ли не програмные установки в своей деятельности. Что касается прочих тт. я находился в полном согласии с Пертотом, поддерживали нас более или менее (т. е. нерешительно, поскольку эти установки казались слишком большим и неожиданным поворотом) Рован, Ватовец, Моколе, Ферянчич, Чермель и др. Хрещак и Пахор, бывшие скорее близки какому-то нац. реформист. решению нац. вопроса, поддерживали Регента, а Сребрнич в общем не возражал, но сам он был далеко от всяких конкретных установок в нац. вопросе и занимался вопросом создания интернацион. языка. Он считал, что пролетариат вообще должен отбросить все языки и нац. культуры также, как бурж. революция отбросила старые меры и весы (как он писал в «Деле»). Наши парт. органы навряд-ли имели какое-нибудь понятие о том что эти вопросы вообще ставятся среди слов. т. т., также и Ц. К. Партии.

В конце сентября выступает в «Деле» с рядом статей по нац. вопросу в Югосл. и в Среда. Европе вообще — Густинчич из Вены, выступая одновременно и против тех опортунист. взглядов, которые начали проявлять в Сербии друзья

Симы Марковича, провозгласившие н. пр. македонский вопрос «запутанным и деликатным». Исходя из экономических предпосылок, он доходит к неверному выводу противопоставления «экономических территорий» «нац. государствам». «Пролетариат должен требовать первым делом экономические единицы, т. е. экономич. систему стран как они складываются географически и экономически в единые территории, дополняющиеся между собой и только на основе этих единиц, экономических территорий разрешить нац. вопрос.» Далее считает, что «бессмысленно требовать нац. государства», в то время как русская революция прекрасно разрешила вопрос о взаимоотношениях между экономическими и нац. государствами. Впрочем эту ошибку разделяли тогда и я и др. товарищи. Далее он развивает мысль, что для разрешения нац. вопроса мы сегодня не должны исходить из территории Югославии, «чьи области гравитируют в три различные направления» и «которая в социалист. обществе сразу распалась бы на свои природные составные части». Такой основой не могут нам служить ни Балканы, а вся территория Судетов, Придунавья и Балкан (Су-До-Ба), включающая теперешние Чехословакию, Австрию, Венгрию, Югославию, Июл. Венецию, Румынию, Болгарию, Грецию, греческие острова, Албанию и позже может быть и Константинополь. Такая территория имеет кроме всех существенных экономических условий и исторические и культурные, а первым делом сильное пролетарское ядро, которое в одних Балканах отсутствует. Живет на ней большое количество мелких национальностей по пару миллионов населения каждая, что создает особенно наглядной необходимость федерации, в которую бы входили следующие нац. республики, относительно экономические единицы: Чехия, Моравия, Словакия, Прикарпатская Россия, Вена и австр. области в сегодн. границах, Венгрия, Воеводина, Трансильвания, Румыния без Бессарабии, Словения, Июл. Краина, Хорватия с Далмацией или без нее, Босния, Сербия в границах до балкан. войны, Черногория, может быть с Герцеговиной и юж. Далмацией, Македония, Албания с Косовом и Метохией, Болгария, Добруджа, Фракия, Сев. Греция, Пелопонез и острова Егейского моря. В дальнейшем конечно будут проходить процессы слияния этих группировок в большие культурные и национальные единицы; указанное подразделение отвечает более или менее сегодняшнему состоянию вещей и никоим образом не должно считаться окончательным. Далее обсуждается еще вопрос нац. меньшинств в отдельных республиках, которые должны будут признать за ними полное равноправие в нац. и культ. отношении. — Статьи Густ. также вызвали большой отклик у нас, становясь в дальнейшем предметом наших споров и дискуссий в нац. вопросе.

Первую попытку перенести нац. вопрос и на обсуждение организации я сделал на с'езде Комсомола слов. части области, состоявшемся в октябре в одном из подземных окопов из военного времени в окрестностях Горицы. Тут же внесли и соответствующие положения в резолюцию, которая была к сожалению слишком быстро состряпана в течение прений и не стоит по этому на должной высоте: «С'езда... одобряет полит. работу общегосударств. конференции, созванной Ц. К. Союза, применяя к нашим местным условиям следующее: а) **Фашизм** и борьба против него у нас не приходит во внимание так (в той форме), как в остальных областях, поскольку у нас не имели развитого фашист. массового движения. Фашизм представляется нам здесь в лице официальных представителей госуд. власти, против которой находится сегодня в оппозиции пого-

ловно все славян. трудящееся население Июл. Венеции, первым долгом изза нац. угнетения со стороны правительств. органов. Поскольку большинство этого населения, составляющегося преимущественно из мелких крестьян и полупролетариата следует местным националист. течениям, является полит. задачей славян. комм. молодежи в Июл. Краине вести непрерывную агитацию среди этих народных масс, основываясь первым долгом на Возвание К. П. и С. К. М. Италии о нац. вопросе, опубликованное в Деле (Заявление по поводу конфликта изза Фиуме!) и на другой материал из нашей газеты... с'езд заявляет, что эта агитац. деятельность среди слов. труд. масс представляет собою единственную возможность прямой и плодотворной антифашист. борьбы в слав. части Июл. Краины.»

После этого я поехал в Вену, чем приостановилась временно моя непосредств. деятельность в этом направлении в Июл. Краине. В апреле 1924 г. я опять выступил со статей в «Деле» о вопросе Июл. Краины, в которой после анализа крестьян. вопроса у нас и экономического и полит. положения созданного мировым кризисом и итал. оккупацией, выдвигал лозунг «создания такой Придунайско-Балкан. федерации, в которой Июл. Краина будет составлять вместе с экономически прилегающими областями самостоятельную составную часть и одновременно связь с раб.-крестьян. Италией».

В августе — сентябре 1924 г. я находился в Триесте. Здесь находился и Густинчич. С целей обсуждения совместных вопросов движения в Словении и Июл. Краине из Любляны приехали Штукель и Кермавнер и мы имели у Регента, бывшего в то время секретарем Обл. Ком. Партии ряд совещаний посвященных нашим взаимоотношениям, полит. линии и созданию совместного теоретического журнала.

На этих совещаниях опять пришли до выражения наши разногласия с Регентом. Т. т. из Югославии настаивали на определении нашей линии уже потому, что им приходится в агитационной работе в Югосл. постоянно сталкиваться с аргументами противников, что в то время, как югосл. коммунисты кричат о нац. угнетении в Югославии, итальян. коммунисты ни слова не говорят о Июл. Краине. Густинчич и я также настаивали на этом, но Регент оставался при своих взглядах. Позже он все-же написал в «Деле» статью о «нац. правах юлийских словенцев», в которой говорит о нац. угнетении и признает оправданность отпора против него. Но, отвергая политику наших националистов, останавливается на общем утверждении, что «пролетариат и лишь пролетариат дает и гарантирует в Италии находящимся словенцам права, которые им полагаются и которые буржуазия им отрицает».

Проект создать совместный теорет. журнал скоро затем был реализован и этот журнал сигналь, несмотря на то, что его вышло лишь 5 или 6 номеров, несомненно большую роль в деле выработки коммунист. полит. линии во всех вопросах слов. полит. жизни и в Югосл. и в Италии. О нац. вопросе в Югосл. написал ряд статей Густинчич, о вопросе Июл. Краины написал я из Парижа длинную статью, в которой старался дать возможно более широкое освещение всех наших полит. вопросов.

Возникновение во Вене журнала «Fédération Balcanique» дало возможность выдвинуть в тот период активизации нац. и крестьян. движений на Балканах также и словен. вопрос. Я написал с этой целью несколько статей, в которых выставил лозунг независимой слов. раб.-крестьян. республики и задачу борьбы про-

тив великосербской диктатуры и италийн. империализма. На эти статьи откликнулся триестинский «Piccolo» с большой статьей (март 1925), характерной для того, как реагировала итал. буржоазия на нашу деятельность. В ней конечно отвергаются как ложные утверждения о национальном угнетении славян в Италии, апеллируется к итал. коммунистам, которые в доброй вере сотрудничают с словен. коммунистами, что могут на основании этих статей убедиться в том, что мы преследуем националистические цели, апеллируется затем к словен. националистам, что-бы они убедились в том, что их политика ведет в конечном счете к коммунизму. И среди словенцы имеются собственники, которым есть чего терять. Поэтому словенцы должны отстать от своих непримиримых позиций по отношению к Италии. «Единность» на это ответила, что они не несут ответственности за мои статьи и что я вообще еще «молодой политик» и не следует мне придавать слишком большого значения. Но факты о нац. угнетении приведенные в «Б. Ф.» верны и лучшим средством против распространения коммунизма среди словенцев будет то, что итал. правительство само изменит свою политику по отношению к нац. меньшинствам. — Но мои стати вызвали также и бурю в рядах нашей партии. Триест. руководство, состоящее тогда почти исключительно из италийцев — Регент находился в оппозиции — которые все время ничего не знали о происходивших среди слов. товарищей политических спорах и сами находились еще в плену старых установок в нац. вопросе еще с времен довоенной практики — запротестовало. После статьи «Piccolo» было — кажется даже опубликовано заявление в «Lavoratore» о том, что партия с моими статьями ничего общего не имеет, а от Ц. К. требовалось срочное вмешательство и принятие мер против меня. Я имел (— приехал я как раз в эти дни в Триест —) острые споры с секретарем Обл. Ком. Негри, с т. т. Марини, Яксетичем и др. Негри был возмущен первым делом тем, что мы словенцы работаем помимо обл. комитета. Марини говорил, что мои установки чистейший национализм, что у нас совершенно иные условия нежели в странах, для которых рассчитана тактика Коминтерна в нац. вопросе, не допуская сравнения вопроса Юл. Краины даже с вопросом Алзаций и Лорены, а куда еще с вопросами Хорватии, Македонии и др. областей. Яксетич показывал больше понимания, но и у него преобладали еще тогда старые предрассудки.—

В мае я ехал в Рим по приглашению Грамши, с которым я еще в Вене имел ряд бесед о вопросах Юл. Краины. Ц. К. между тем кое как успокоил Триест. т. т. в вопросе о моих статьях, но вопрос о нац. политике в Юл. Краине пока продолжал оставаться в воздухе. Ц. К. предпочитал провести эволюцию в рядах К. П. И. от старых соц. дем. установок к большевист. пониманию нац. вопроса постепенно минуя острые столкновения и дискуссии. Если этот метод сохранил партию перед потрясениями, которые могли возникнуть в результате острого обрыва, то он не был зато в состоянии ввести полную ясность среди т. т. и за это является и причиной того, что во всей дальнейшей работе партии постоянно приходилось сталкиваться непониманием нац. вопроса когда стоял какой-либо из полит. вопросов Юл. Краины.

За время моего пребывания в Риме я имел ряд бесед с Грамши, Гриеко и др. тт. Написал и один доклад о нац. вопросе Юл. Краины, в котором наметил основные точки нашей тактики и несколько орг. предложений. Эти вопросы обсуждались на одном совещании римской части Ц. К., на котором и я прису-

ствовавал и эти предложения были приняты. Были приняты также предложения о применении тактики единств. фронта у нас. В связи с этим Гриеко мне говорил, что имел уже какие-то переговоры с др. Беседняком. По видимому он не имел точных представлений о характере полит. партий в Июл. Краине и считал — по аналогии с парт. группировками в Италии, что «либералы» представляют слов. буржуазно, а клерикалы — крестьянство и пришел к заключению о возможности применения тактики един. фронта по отношению к клерикалам. По моим взглядам тактика един. фронта должна была идти за тем, что-бы вызвать к жизни новое левое течение среди националистов **обоих** направлений, особенно среди молодежи, недовольной с опортунист. политикой вождей — при исключении всякой «дипломатии» с вождями, особенно с клерикалами, которые могли использовать малейшую попытку нашего приближения к ним лишь в целях своей демагогии среди масс.

После моего обратного приезда в Триест я использовал промежуток времени, который был в моем распоряжении до отъезда в Югославию, что бы поставить перед словен. т. т. вопросы, затронутые в Риме. Положение нашей организации в слов. части области было тогда крайне скверное. «Дело» не выходило, Обл. комитет не обеспечивал руководства движением в слов. части, ограничиваясь фактически деятельностью в одной италиян. части области, слов. организации были предоставлены самим себе. Постоянные столкновения между Регентом, находящимся тогда в оппозиции и Обл. комитетом еще более дезорганизующе влияли на движение. Созвали совещание слов. т. т., на котором присутствовали Регент, Хрещак, Пахор, Рован, Ферянчич, Ватовец, и я. Я подверг острой критике всю нашу предидущую деятельность, докладывал о своей поездке в Рим и предложил создать редакционный комитет для «Дела», который должен был пока что являться и своего рода политич. руководящим органом для движения среди словенцев. — Дошло до очень острых прений глав. образом опять вокруг национ. и крестьянского вопроса а также и вокруг вопросов связанных с попытками использовать наши неполадки для борьбы против Ц. К. на основе бордигианских установок. Хрещак и Пахор поддерживали Регента, Ферянчич, Рован и Ватовец — все еще нерешительно — меня. В. полит. вопросах опять не договорились, не договорились и в вопросе редакционного комитета, но все-же были приняты кое-какие шаги в отношении газеты. —

После моего возвращения из Югославии получил возможность опять принять более активное участие в движении в Июл. Краине, (сентябрь 1925 — апрель 1926) — став членом Обл. Ком. Партии. Сосредоточил свои усилия первым делом на то, что бы разрядить атмосферу, которая создавалась изза скверных взаимоотношений между Обл. Ком. и слов. т. т. Предложил создать при Обл. Ком. особый слов. комитет со след. задачами: 1) Вся конкретная разработка парт. политики в слов. части области, 2) руководство газетой, 3) постоянная связь с комм. организ. в Словении. Предложение было принято и в этот комитет вошли Регент, Пахор и Ферянчич, а также и я как представитель Обл. Комитета. Атмосфера разрядилась и вся работа пошла с большим под'емом. Но тем не менее встал теперь опять перед нами вопрос нашей тактики в нац. вопросе, когда дело шло о практич. применении этой тактики и проведении в жизнь первых шагов в отношении единств. фронта. Тут мне пришлось сталкиваться и с принципиальн. возражениями и просто непониманием как и в слов. комитете, так же и в Обл. комитете, хотя отдельные итал. т. т., как н. пр. Яксетич, Негри и др. уже убедились

в неправильности прежних установок. — Скоро стало очевидным, что без предварительной принципиальной разработки наших установок и принятия их руковод. товарищами мы все будем продолжать топтаться на месте: Поэтому я решил поставить вопрос ребром. Написал доклад — тезисы в которых коснулся всех вопросов нашей полит. и орг. работы в Июл. Краине и широко развернул свои установки в нац. и кресть. вопросах. В марте 26 г. имел место обл. с'езд нашей партии но изза нелегальных условий в которых он происходил, имел возможность заняться лишь орг. вопросами и слов. вопрос на нем опять не был затронут. Зато имели по этому поводу место два заседания Обл. ком. с словен. комитетом с присутствием Скоччимарро от. Ц. К., на которых я выступил со своими установками. Следили длинные, местами и острые прения, являющиеся — поскольку я знаю — первым всесторонним и основательным обсуждением перед ответств. парт. органом всех вопросов нашей политики в Июл. Венеции. Раньше все подобные обсуждения происходили лишь в порядке частных бесед или неофициальных совещаний. — Выступил Регент с острой критикой моих установок высказываясь против всяких лозунгов о самоопределении, слов. раб. кресть. республике и т. п. утверждая, что мы можем в нашей агитации допустить лишь подчеркивание факта, что пролет. революция даст словенцам все нац. права. Поддерживал его и Пахор. Из итал. т. т. выступал Бубниг сводивший весь вопрос к тому, что бы просто обеспечить перевод на слов. язык всей агитации К. П. не признавая существования какого либо нац. вопроса и необходимости какой либо особой нац. политики. Остальные т. т. выражали всякие возможные опасения в отношении того, как бы нам не впасть в национализм, возражали против отдельных моих установок, но особой линии не выдвигали. В конце выступил Скоччимарро, который — против ожидания всех присутствующих в т. ч. и меня — всецело поддержал мои установки, заявив, что они полностью отечают тактике Коминтерна и являются ее конкретным применением к условиям Июл. Венеции. — Я старался за этот период своей деятельности провести и ряд шагов и мероприятий в направлении создания единого фронта с левыми элементами среди националистов, разработал широкий план работы, который должен был быть еще утвержден Ц. К. Последний затягивал это дело, что на этот раз оказалось очень полезным. Люди с которыми я был связан и предполагал проводить работу среди националистов, оказались — провокаторами, т. о. была предотвращена опасность быть нам всем втянутым в очень темную затею, быть может не столько мелко-полицейского характера, сколько более широкого политического, ибо фашистские власти вели у нас очень тонкую политику, доходившую иногда до относительно снисходительного отношения к коммунистам, поскольку наша работа сильно подрывала силу слов. национализма в Июл. Краине, в котором фашизм видел пока-что более опасного противника, чем в нашем движении.

Национальный вопрос был теперь у нас более или менее расчищен, осталось еще — систематически проводить в жизнь взятую линию. Я надеялся, что мне придется теперь проводить эту работу, но уже месяц спустя мне пришлось опять уехать. В дальнейшем парт. организация у нас сделала кое-что в этом отношении. Постепенно и большинство тт. убедилось в неоправданности опасений на счет возможности впасть в национализм, убедился постепенно в правильности ленинской политики и Регент, что являлось безусловно ценнейшим достижением

ввиду того авторитета и той роли которые он занимал в словен. рабочем движении.

Несмотря на всю проделанную эволюцию в нац. вопросе со стороны К. П. последние все еще не уделяла вопросу Июл. Венеции того внимания, которое он заслуживал в связи с постоянным обострением итало-югослав. отношений. Руководящие т. т. смотрели на этот вопрос как на «периферийный», т. е. играющий в общей внутрени. политике Италии второстепенную роль, в то время как в связи со все более активной империалист. политикой Италии он играл далеко не второстепенную роль. Вообще нужно сказать что КПИ в своей оценке италиян. империализма заостряла преимущественно свое внимание на его слабости, зависимости от проч. империализмов и его неудачах, а не на его агрессивности и экспансивности. Это приводило к тому, что в глазах масс не раз облачались как следует все те завоевательные кампании, которые фашизм на каждом шагу проводил и проводит в своей массовой агитации исходя из положений, что Италия будто была в империалист. войне обижена в своих священных правах на Далмацию и др. территории. На сколько эти кампании влияли на массы приходилось убедиться из разговоров, которые я имел с многими итал. коммунистами даже из видных парт. работников, и которые сами проявляли иеожиданую неосведомленность в отнош. настоящего положения вещей. В отношении внедрения денинского понимания нац. вопроса, особенно права на отцепление не лишь в широкие массы, но даже спреди партийцев — осталось еще много непройденного пути. Одна из лучших возможностей которая была в распоряжении партии — ее парламентская деятельность — осталась в этом отношении почти-что неиспользованной. Я часто беседовал на эту тему с Грамши, были приняты также все мои предложения в отношении этого, но по видимому и в этом вопросе партия придерживалась тактики действовать постепенно и осторожно; первый и — кажется — единственный шаг в этом направлении была демонстрация в парламенте права на самоопределение в вопросе Австрии в ее взаимоотношениях с Германией. В то время как слов. нац. депутаты в парламенте развертывали широкую деятельность при помощи вопросов и интерпелляций, слов. комм. депутат т. Сребрнич не был ни разу использован ни для принципиальн. противопоставления нашей политики политике националистов, ни для выдвигания местных требований. Лишь с 27. г. вопрос Июл. Краины появляется немного чаще в итал. парт. печати, но и тут дело не обходится без принципиальных ошибок. Т. Гриеко н. пр. проявил склонность к полному отождествлению нац. вопроса с крестьянским вопросом. Один мой доклад, который в переработанном виде вышел в «Стато операйо» сопровождался примечаниями Гриеко как раз в этом смысле. Вопрос июлийских словенцев ставился исключительно как вопрос крестьянского резерва итал. пролет. революции. Идея гегемонии пролетариата превращалась в этом случае в идею гегемонии италиянского пролетариата по отношению к слов. крестьянству, в то время как мы считали, что в процессе слов. нац. революции при вероятном отделении нашей области от Италии роль гегемона должна будет перейти к слов. пролетариату нашей области не лишь в рамках Июл. Венеции, но и по отношению к более отсталым в промышленном развитии югослав. Словении и австрийской южной Каринтии. Такой промышленный центр как Триест — несмотря на то, что его пролетариат по своему нац. составу большей частью италиянский или в результате давнишней денационализатор. работы италиян. буржоазии италия-

низированный — и что словенских рабочих имеется не больше одной трети — сможет и должен сыграть громадную роль в революции и оказать свое влияние и на территории далеко идущие за узкие пределы Словении. Такими центрами являлись н. пр. Харьков для Украины или Баку для всего Закавказья. Поэтому словенский вопрос необходимо было ставить в плоскости революционных перспектив в Средней Европе и на Балканах, а не ограничивать его рамками перспектив итальянской революции. Даже в случае не одновременного развертывания рев. событий в Италии и в странах средней и юговосточной Европы нашей задачей было бы отстояние пролетарской Словении хотя бы в границах Июл. Венеции, с Триестом во главе, как притяжной точки для остальных слов. земель и проч. прилегающих областей при условии особого подчеркивания временного характера такого разрешения вопроса и перспективы отделения в ходе дальнейших событий. Поэтому именно потому в центре агитации итальянских коммунистов в нац. вопросе должно было стоять как раз право на отделение, не говоря уже о само собой разумеющейся обязанности для коммунистов господствующей нации, обязанности, исходящей из ленинской и сталинской трактовки нац. вопроса, заострять этот лозунг принципиально, вообще, т. е. независимо от перспектив будущей конкретной формы, которую примет самоопределение данной национальности. — Как раз этой установки у К. П. И. не было, а вместо этого — всё опасения, что будет с нашей областью в случае революции в Италии, пойдут ли словенцы с нами, или предпочтут югославскую оккупацию. Гриеко написал в «Стато операйо» ряд статей о програмных установках К. П. в вопросах итальянской революции. В одной из них он разбивает будущую Италию на три СССР: СССР Юж. Италии, СССР Сред. Италии и СССР Северной Италии, «к которой последней присоединятся еще ССР Словения и ССР Южный Тироль». Такая постановка вопроса могла лишь давать оружие в руки наших и югосл. националистов, основным аргументом которых в борьбе против нас являлся лозунг: «Итальянские коммунисты преследуют по отношению к словенцам такую-же империалист. политику как итал. буржоазия.»

За время моей работы в Италии в 1927. я надеялся посвятить себя полностью работе по внедрению в жизнь тех установок, которые я выработал в течение предидущих пяти лет своей деятельности. Это была и цель моего приезда. С этим первоначально согласился и Ц. К., лишь вопрос должен был быть решен в Москве на предстоящем пленуме ИККИ совместно с КПЮ. Но затем дело затянулось и я был направлен на другие работы. За время моего похождения в Венеции и Июл. Краине я опять написал обширный доклад в Ц. К. Собираясь и выступить с критикой установок т. Гриеко, публикуемых в «Стато операйо», но скоро затем был арестован. — Последующий «компромисс» с фашист. полицией, несмотря на всю глубину ошибки, которую я сделал, проливает яркий свет на вопросы связанные с политикой итальянского империализма на Балканах и дает в руку К. П. интереснейший материал по этому вопросу.

NARODNO VPRAŠANJE V NAŠI POLITIKI V JULIJSKI BENEČIJI (1923—1927)

(Iz spominov)

V poletju 1923. leta smo imeli s Pertotom¹ vrsto pogovorov na to temo. Kritika Kominterne KPJ, prvi članki D. Cvijića v zagrebški »Borbi«, pa tudi izkušnje naše dejavnosti v zadnjem času so njega in mene prepričale, da si moramo tudi mi izdelati svoja konkretna stališča o nac. vprašanju, saj hoditi mimo tega vprašanja kakor do sedaj, bi resnično pomenilo, da smo se postavili ven iz slovenskega političnega življenja in damo našim nacionalistom možnost opravičila za njihov naziv »vrhovnih predstavnikov slovenskih nacionalnih interesov v Italiji«. S Pertotom sva se strinjala, da moramo v naši propagandi in agitaciji naglašati dejstvo, da je nacionalna osvoboditev povezana s socialno osvoboditvijo proletariata, da se mi komunisti s tem, ko se borimo proti imperalizmu, že samo s tem borimo proti nacionalnemu zatiranju in da bomo ustvarili, ko bomo razbili fašistično državo v Italiji in velikosrbsko diktaturo v Jugoslaviji, resnično možnost slovenske narodne svobode v delavsko-kmečki republiki. Med delnimi zahtevami v isti vrsti, na primer, z vprašanji glede mezd, delovnega časa, soc. zakonodaje itd., moramo postaviti tudi vprašanje o šolah, o slov. jeziku v uradih itd. Tako je tudi Gustinčič z Dunaja, s katerim sem bil v stalnem dopisovanju, naglašal potrebo, da se ukvarjamo z narodnim vprašanjem. Toda to so bili zaenkrat šele razgovori.

V avgustu sva bila z Vodopivcem² v Ljubljani. Tu sem našel že bolj pripravljena tla zaradi živih razprav o tem vprašanju v vrstah KPJ. »Med važnimi političnimi vprašanji« — sem pisal iz Ljubljane v »Delo« — »se bavi naša stranka v prvi vrsti z narodnim vprašanjem z namenom, da si začrta jasno taktiko, ki postaja vedno bolj potrebna zaradi razpada in izdajstva avtonomistično-federativne opozicije (sic!)... Gre za to, da bi naša stranka s pametno narodno politiko pritegnila na svojo stran razočarane množice slovenskega, hrvatskega, bosanskega in makedonskega delovnega ljudstva, ki so ga znale »opozicijske« stranke s svojo demagoško politiko zaradi gospodstva centralistične buržoazije privleči v svojo strugo. To narodno vprašanje, o katerem so na široko razpravljali na zadnjem zasedanju IKKI³ v Moskvi, je za proletarsko revolucijo zelo važno in tudi mi v Jul. krajini se bomo morali začeti ukvarjati z njim.«

Pod jesen je pri nas nastopal fašizem s široko zasnovanimi protislovenskimi akcijami. Bilo je to tedaj, ko je Mussolini z namenom, da zopet zlepi svoje razpadajoče vrste, razvijal široko imperialistično kampanjo. Začenjajo opevati imperalizem, tradicije starorimskega imperija, začenja celo izhajati velik časopis »Impero«, pozivajo k pripravljenosti na vojno s ciljem, da se razširi »slava domovine«. Krfska avantura je bila prvi večji pojav te nove »imperialistične ere«. Istočasno poteka napad na »tujerodce«. ⁴ V septembru začenjajo obračunavati z začasnimi učitelji — »nezaželenimi elementi«. Odpuščajo iz služ-

¹ Jože Pertot.

² Albin Vodopivec.

³ Izvršni komite Komunistične internacionale.

⁴ Neitalijani — »allogeni«.

be 200 slovenskih in hrvatskih učiteljev na podlagi »slabih informacij«. Istočasno objavljajo, da stopa v veljavo šolska reforma Gentileja, s katero se uvaja v osnovne šole italijanski učni jezik, dopuščajoč materin jezik samo kot ne-obvezni predmet. Med vsem prebivalstvom je nastala burja protestov. Nacionalisti so se zganili. Začela se je agitacija za bojkot šole, začeli so govoriti o širokih množičnih nastopih in akcijah. V Jugoslaviji so bile velike demonstracije, v Avstriji in Nemčiji se je razvijala kampanja zaradi južne Tirolske. Italijanska vlada je odgovorila z dekretom, da mora ves »tujerodni« tisk izhajati v dveh jezikih, vsakemu članku mora slediti italijanski prevod. »Edinost«, »Istarska Riječ« in »Učiteljski list« se izročajo sodišču zaradi »poziva na neposlusnost«. Nacionalisti odgovarjajo z ostrim protestom slov. in nemških poslancev v parlamentu, Vilfan⁵ nastopi na mednarodni medparlamentarni konferenci. — Toda po propadu krfske avanture se je atmosfera nekoliko razjasnila tudi pri nas. Gentilejeva reforma do nadaljnega ne stopi v veljavo, Mussolini odpravi dekret o »dvojezičnem« tisku.

Ti dogodki so lahko služili kot nazorni primeri za to, kako zelo je narodno vprašanje pri nas aktualno in kako so slov. nacionalistične stranke, ne glede na izgubo svoje avtoritete v našo korist, še vedno življenjska sila. Vse slovensko prebivalstvo, ne glede na politično orientacijo, je tiste dni simpatiziralo z njimi in odsotnost kakršnega koli stališča naše stranke v narodnem vprašanju je imela za naravno posledico dejstvo, da so se tudi mnogi komunisti pleli na njenem repu, seveda razen teh, ki so še nadalje ostajali na svojih »nepomirljivih« pozicijah (t. j. stali na stališču, da se nas kot internacionalistov in razredne stranke narodno vprašanje ne tiče). Avgusta je izšel v »Delu« velik članek (najbrž izpod Regentovega peresa) o naši reakciji, v katerem se še vsestransko zmanjšuje pomen te reakcije, politika narodnega zatiranja pri nas se pa ne razlaga s splošnimi imperialističnimi interesi italijanske buržoazije, marveč z interesi posameznih italijanskih podjetnikov v naših krajih. »Če reakcija ni čutila potrebe nastopati v provinci pred zavojevanjem oblasti (po fašistih), je imela toliko manj vzrokov po njem; zakaj položaj v državi ni odvisen od tega obmejnega koščka zemlje, na katerem živijo Slovenci in Hrvatje. Če je vendarle nastopala, so bila to dejanja posameznih vročih glav, ki bi bile lahko Italiji v boljšo korist. Komunistov državne meje ne zanimajo, a med slovensko in italijansko drobno buržoazijo se je pokvarilo še tisto tiho in prikrito mirno sožitje, ki je še obstajalo.« Dalje sledijo plamteči J. Pahorjevi⁶ članki proti šolskim reformam, toda njihovo konkretno stališče je bilo pristo pridruženje k protestni kampanji, ki so jo vodili nacionalisti, le malo razločujoče se od splošne nacionalistične frazeologije, operirajoč poleg tega predvsem s protesti v imenu vesti, kulture, civilizacije itd. K šolski reformi se je oglasil tudi Regent: »Učiti otroke v jeziku, ki ga ne razumejo, je neumnost in krivica, radi česar trpi pravica narodnosti do vzgoje v lastnem jeziku, in še več, trpijo učenci, ki se pri najboljši volji ne bodo mogli nič naučiti.« Toda namesto, da bi dal konkretna bojna gesla, se zopet omejuje na to, da opozarja na nacionalizem na splošno kot na osnovno zlo, »ki povsod, kjer se nahaja v manjšini, zahteva enake pravice z večino, tam pa, kjer je v večini in na oblasti, odreka

⁵ Dr. Josip Vilfan.

⁶ Jože Pahor.

tujerodnim manjšinam vse ono, kar sam zahteva kot manjšina zase«. »Šele proletarska država... rešuje narodno vprašanje o pravicah narodnih manjšin.«

V začetku oktobra, ob italijansko-jugoslovanskem konfliktu zaradi Reke, nastopi prvič CK stranke⁷ z izjavo, ki zadeva narodno vprašanje. »Naj pripadajo katerikoli narodnosti, naj govorijo v kateremkoli jeziku, imajo prebivalci Reke pravico do svobode, kakor imajo pravico do narodne svobode Italijani, ki živijo na vzhodnem jadranskem obrežju in Slovenci in Hrvati v Julijski krajini ter Nemci v zgornji dolini Adiže.«

Septembra sem nastopil tudi jaz s člankom — seveda še v marsičem zmešanem — o »Zaščiti nar. manjšin«, v katerem sem postavil tezo, da mora postati naš boj tudi boj narodno zatiranih množic za njihovo osvoboditev: »... ruska revolucija je dala kmetom zemljo in zatiranim narodnostim ravnopravnost in svobodo. Pred kratkim smo čitali celo v 'Edinosti' uvodni članek, v katerem pravijo, da je na vsem svetu samo Sov. Rusija popolnoma pravično rešila narodno vprašanja in zadovoljila s tem vse svoje narode... (V 1918 l.) bila je v znatni meri krivda proletarskega gibanja, da ni pridobilo na svojo stran malih narodov srednje Evrope, ker je bilo še prežeto s soc. demokr. tradicijami in reševalo vsa narodna vprašanja z zamahom roke. — To nas preprosto ne zanima... Proletarska revolucija lahko zmaga samo, če njena stvar, če njena ideja postane zadeva večine širokih delovnih slojev ljudstva in v ta namen se mora povezati z osvobodilnim bojem malih kmetov in z osvobodilnim bojem zatiranih narodov... V Evropi poskuša dobiti monopol nad nacionalnimi čustvi, ki so še globoko zakoreninjena posebno v polproletarskih in kmečkih slojih, kapitalistična reakcija... Komunisti morajo glede na to dokazati, da je naša stvar — stvar vseh zatiranih... V Nemčiji je KP dokazala (?), da se bori proti podjarmljenju Nemčije po francoskem imperializmu, a ne fašisti, ki skušajo izkoristiti ta osvobodilni boj v interesih nemške buržoazije, ki za hrbtom že paktira s francoskimi kapitalisti. V Italiji mora naša stranka dokazati, da vodi fašizem italijansko ljudstvo in Italijo v propad, delujoč v interesih velikega kapitala in proti interesom italijanskih delovnih množic, ki sestavljajo jedro in večino italijanskega naroda. Edina pot Italije — je samo v delavsko-kmečki republiki, ki bo vstopila kot enakopraven član in brez nacionalnih predsodkov v federacijo evropskih narodov. Prav tako se morajo tudi jugoslovanske narodnosti, ki se danes borijo proti hegemoniji srbske buržoazije, prepričati, da se bodo osvobodile samo, če povežejo svoj boj z bojem delavskega razreda. — Kako je s tem vprašanjem pri nas v Julijski krajini? Italijanska vlada, ki predstavlja italijansko kapitalistično buržoazijo, poskuša nasilno zadušiti slovensko narodnost v Julijski krajini, izganja slov. jezik iz šol in uradov in poskuša na ta način privedi do 'asimilacije', nasilne denacionalizacije teh krajev, ki jih je Italija anektirala proti volji ogromne večine vsega prebivalstva in proti vsem ekonomskim interesom province. Le neborbeno razpoloženje (?!?) našega kmečkega in drobnoburžoaznega prebivalstva je zadržalo nastanek odkritega iredentističnega gibanja, ki bi moglo imeti glede na te razmere zelo ugodna tla, medtem ko se je revolucionarni proletarijat orientiral na našo stranko. Politično društvo 'Edinost' ki si je postavilo nalogo, da združi vse ljudske množice v boju za 'narodne pravice', vodi seveda buržo-

⁷ CK KPI.

azno politiko klečeplazenja pred italijanskimi buržoaznimi magnati, ker to politiko vodijo interesi slovenskega malomeščanstva in drobne buržoazije, so pa vse drugo, samo ne revolucionarni. Način, s katerim se bori za zaščito 'naše narodne manjšine', ne more privedi do kakršnih koli realnih uspehov. Naša naloga v Julijski krajini — je dokazati, da tukajšnjega narodnega vprašanja, ni mogoče rešiti z buržoazno, marveč le s proletarsko politiko. Od samih naših nacionalist. voditeljev slišimo navadno razgovore, češ da pri nas praktično ni kapitalistov in da morajo zato biti vsi enotni proti skupnemu nacionalnemu nasprotniku. Kako more biti resen proletarski revolucionar eno z ljudmi, ki priznavajo fašistično reakcijo, se ji priklanjajo, z ljudmi, ki pošiljalo svoje predstavnike na medparlamentarne kapitalistične konference, kjer se zadovoljujejo s takimi zahtevami glede zaščite narodnih manjšin, da ploska njihovim govorom vsa visoka buržoazna gospoda, podpirajoča v lastnih deželah narodno zaslužjevanje? Če pri nas resnično ni kapitalistov, tedaj bi bilo logično, da bi se boj slovenske nacionalne manjšine pridružil boju mednarodnega proletariata, boju delavsko-kmečke Rusije, ne pa politiki mednarodne buržoazne reakcije, politiki češke in srbske buržoazije, ki obe vodita nasilno gospodstvo nad svojimi zaslužjenimi narodnostmi in narodnimi manjšinami.« Sledijo potem besede K. Radeka iz njegovega znanega govora o priložnosti ustrelitve Schlageterja in poziv tistim, »ki v resnici delujejo za svobodo svojega ljudstva, (da) se morajo tudi pri nas pridružiti realnemu proletarskemu gibanju, če nočejo biti kakor nemški Schlageter popotnik v nič«.

Razumljivo, da je ta članek vzbudil živ odziv v naših vrstah. Povzročil je začetek dolgih sporov med nami, ki na žalost niso bili preneseni v strankine organizacije, a so se omejevali samo na naše pogovore z Regentom in ostalimi sodrugi. Na drugi strani pa je vzbudil določen odziv med našo mladino in taki sodrugi, kot npr. Vodopivec in dr., so črpali iz njega skoraj programatična navodila za svoje delovanje. Kar zadeva ostale sodruge, sem bil v popolnem soglasju s Pertotom, podpirali so nas več ali manj (t. j. neodločno, ker so se te postavke zdele prevelik in nepričakovan preokret) Rovan, Vatovec, Mokole, Ferjančič, Čermelj i. dr. Hreščak in Pahor,⁸ ki sta bila prej blizu nekakšni nacional.-reformist. rešitvi narodnega vprašanja, sta podpirala Regenta; Srebrnič⁹ na splošno ni bil proti, toda sam je bil daleč od vsakih konkretnih postavk v narodnem vprašanju in se je ukvarjal z vprašanjem zgraditve internacionalnega jezika. Menil je, da mora proletariat sploh zavreči vse jezike in tudi nacionalne kulture, kakor je buržoazna revolucija zavrгла stare mere in uteži (kakor je pisal v »Delu«). Naši strankini organi si niso predstavljali, da se ta vprašanja sploh pojavljajo med slovenskimi sodrugi, tudi CK stranke ne.

Konec septembra nastopa v »Delu« z vrsto člankov o nar. vprašanju v Jugoslaviji in sploh v srednji Evropi — Gustinčič z Dunaja, nastopajoč istočasno tudi proti tistim oportunističnim nazorom, ki so jih začeli kazati v Srbiji prijatelj Sime Markovića, ki so, npr. razglašali makedonsko vprašanje za »zpleteno in delikatno«. Izhajajoč iz ekonomskih predpostavk prihaja¹⁰ do nepravilnega sklepa, da »nacionalnim državam« postavlja nasproti »ekonomska ozem-

⁸ Alojz Rovan, Viktor Vatovec, Alojz Mokole, Ferdo Ferjančič, Mario Čermelj, Alojz Hreščak, Jože Pahor.

⁹ Jože Srebrnič.

¹⁰ Dragotin Gustinčič.

lja«. »Proletariat mora zahtevati v prvi vrsti ekonomske enote, t. j. ekonomski sistem dežel, kakor se geografsko in ekonomsko skladajo v enotne teritorije, ki se med seboj dopolnjujejo, in šele na podlagi teh enot, ekonomskih teritorijev, reševati narodno vprašanje.« Dalje sodi, da je »nesmiselno zahtevati narodne države« tedaj, ko je ruska revolucija prekrasno rešila vprašanje o medsebojnih odnosih med ekonomskimi teritoriji in narodnimi državami. Sicer pa sem tedaj pristal na ta napačni nazor tudi jaz s sodrugi. Dalje razvija misel, da za razrešitev narodnega vprašanja mi ne smemo izhajati z ozemlja Jugoslavije, »katere pokrajine gravitirajo v tri različne smeri« in »ki bi v socialistični družbi takoj razpadla na svoje prirodne sestavne dele«. Za tako podlago nam ne more služiti niti Balkan, marveč ves teritorij Sudetov, Podonavja in Balkana (Su-Do-Ba), ki bi vključeval sedanjo Čehoslovaško, Avstrijo, Madžarsko, Jugoslavijo, Julijsko Benečijo, Romunijo, Bolgarijo, Grčijo, grške otoke, Albanijo in pozneje morda tudi Carigrad. Tak teritorij ima poleg vseh bistvenih ekonomskih pogojev tudi zgodovinske in kulturne, predvsem pa močno proletarsko jedro, ki ga na Balkanu ni. Na njem živi veliko število majhnih narodnosti po nekaj milijonov prebivalcev vsaka, kar kaže posebno nazorno, da je potrebna federacija, ki bi vsebovala naslednje narodne republike oziroma ekonomske enote: Češko, Moravsko, Slovaško, Prikarpatško Rusijo, Dunaj in avstrijske province v današnjih mejah, Madžarsko, Vojvodino, Transilvanijo, Romunijo brez Besarabije, Slovenijo, Julijsko krajino, Hrvaško z Dalmacijo ali brez nje, Bosno, Srbijo v mejah pred balkanskimi vojnami, Črno goro, morda s Hercegovino in južno Dalmacijo, Makedonijo, Albanijo s Kosovim in Metohijo, Bolgarijo, Dobrudžo, Trakijo, Severno Grčijo, Pelepones in otoke Egejskega morja. V nadaljnjem bodo seveda potekali procesi spajanja teh skupin v večje kulturne in narodne enote; ta razdelitev ustreza več ali manj današnjemu stanju stvari in se nikakor ne sme tretirati kot dokončna. Poleg tega se preudarja še vprašanje narodnih manjšin v posameznih republikah, ki se jim bo morala priznati popolna enakopravnost v narod. in kulturnem pogledu. — Tudi Gustinčičevi članki so vzbudili velik odmev pri nas, in so od tedaj postali predmet naših sporov in diskusij o narodnem vprašanju.

Prvi poskus, prenesti narodno vprašanje tudi na razpravo o organizaciji, sem napravil na kongresu Komsomola¹¹ slovenskega dela pokrajine, ki je bil oktobra v nekem podzemeljskem okopu iz vojnega časa v okolici Gorice. Tu smo vnesli ustrezne teze v resolucijo, ki pa je bila med razpravo žal prehitro zmašena in zato ni bila na potrebni višini: »Kongres . . . odobrava politično delo vsedržavne konference, ki jo je sklical CK Zveze in aplicira na naše krajevne razmere naslednje: a) fašizmu in boju proti njemu pri nas nismo namenili pozornosti tako (v taki obliki) kakor v drugih provincah, ker pri nas ni bilo razvito množično fašistično gibanje. Fašizem se nam tu predstavlja z oficialnimi predstavniki državne oblasti, proti katerim so danes v opoziciji splošno vse slovansko delovno prebivalstvo Julijske Benečije, predvsem zato, ker jih vladni organi nacionalno zatirajo. Ker sledi večina tega prebivalstva, ki jo predstavljajo predvsem majhni kmetje in polproletariat, krajevnim nacionalističnim strujam, je politična naloga slovanske komunistične mladine v Julijski krajini, da nepretrgano agitira med temi ljudskimi množicami. Agitacija je zasno-

¹¹ Komunistična mladina.

vana v prvi vrsti na Pozivu KP in ZKM Italije o narodnem vprašanju, objavljenem v ‚Delu‘ (Izjava ob konfliktu zaradi Reke!) in na drugem materialu v našem listu . . . Kongres izjavlja, da je ta agitacijska dejavnost med slovenskimi delovnimi množicami edina možnost neposredne in plodne antifašistične borbe v slovanskem delu Julijske krajine.«

Potem sem odšel na Dunaj, s čimer je moja neposredna dejavnost v tej smeri v Julijski krajini začasno prenehala. V aprilu 1924 sem zopet nastopil v »Delu« s člankom o vprašanju Jul. Krajine, v kateri sem po analizi našega kmečkega vprašanja, gospodarskega in političnega položaja, nastalega zaradi svetovne krize in italijanske okupacije, postavil geslo »ustvaritve take Podonavsko-balkanske federacije, kjer bi Julijska krajina sestavljala skupaj z ekonomskimi stičnimi pokrajinami samostojen sestavni del in istočasno zvezo z delavsko-kmečko Italijo«.

Avgusta in septembra 1924 sem bil v Trstu. Tam je bil tudi Gustinčič. Z namenom, da bi razpravljali o skupnih vprašanjih o gibanju v Sloveniji in Julijski krajini, sta prišla iz Ljubljane Štukelj in Kermavner¹² in imeli smo pri Regentu, ki je bil tedaj tajnik pokrajins. odbora stranke, vrsto posvetovanj, posvečenih našim medsebojnim odnosom, politični liniji in ustanovitvi slovenske teoretične revije.

Na teh posvetovanjih so se zopet pokazala naša nesoglasja z Regentom. Sodruga iz Jugoslavije sta vztrajala pri zahtevi, da opredelimo našo linijo že zato, ker so pri agitacijskem delu v Jugoslaviji stalno zadevali ob argumente nasprotnikov, da medtem ko jugoslovanski komunisti kričijo o narodnem zatiranju v Jugoslaviji, italijanski komunisti ne črhnejo niti besedice o Julijski krajini. Gustinčič in jaz sva tudi vztrajala pri tem, toda Regent je ostajal pri svojih nazorih. Vendar je tudi on pozneje napisal v »Delo« članek o »narodnih pravicah julijskih Slovencev«, v katerem govori o nacionalnem zatiranju in priznava upravičenost odpora proti njemu. Toda zavračajoč politiko naših nacionalistov, se zadržuje na splošni trditvi, da »proletariat in samo proletariat daje in garantira v Italiji živečim Slovincem pravice, ki jim gredo in ki jim jih buržoazija odreka«.

Projekt skupne teoretične revije¹³ je bil kmalu potem uresničen in ta revija je opravila, ne glede na to, da je izšlo samo 5 ali 6 števil, nedvomno veliko delo pri formiranju komunistične politične linije o vseh vprašanjih slovenskega političnega življenja tako v Jugoslaviji kot v Italiji. O narodnem vprašanju v Jugoslaviji je napisal vrsto člankov Gustinčič, o vprašanju Julijske krajine sem napisal jaz iz Pariza dolg članek, v katerem sem se trudil dati čim širšo osvetlitev vseh naših političnih vprašanj.

Ko se je pojavila na Dunaju revija »Fédération Balcanique«, je to omogočilo, da se je v tem času aktivizacije narodnega in kmečkega vprašanja na Balkanu postavilo tudi slovensko vprašanje. S tem namenom sem napisal nekoliko člankov, v katerih sem postavil geslo neodvisne slovenske delavsko-kmečke republike in nalogo boja proti velesrbski diktaturi in italijanskemu imperializmu. Na te članke je odgovoril tržaški »Piccolo« z velikim člankom (marec 1925), značilnim za to, kako je reagirala italijanska buržoazija na našo

¹² Ciril Štukelj, Dušan Kermavner.

¹³ Zapiski Delavsko-kmetijske matice.

dejavnost. V njem se seveda zavračajo kot lažne trditve o narodnem zatiranju Slovanov v Italiji, apelira se na italijanske komuniste, ki v dobri veri sodelujejo s slovenskimi komunisti, kako se lahko na podlagi teh člankov prepričajo, da zasledujemo nacionalistične cilje; nato apelira na slovenske nacionaliste, da bi se prepričali, kako vodi njihova politika končno v komunizem. Tudi med Slovenci so posestniki, ki imajo kaj izgubiti. Zato naj se Slovenci odrečejo svojih nepomirljivih pozicij do Italije. »Edinost« je na to odvrnila, da ne odgovarja za moje članke, in sploh da sem jaz še »mlad politik« in da mi ni treba pridajati preveč pomena. Toda fakti o nacionalnem zatiranju, ki so navedeni v »F. B.«,¹⁴ so točni, in najboljše sredstvo proti širjenju komunizma med Slovenci bo to, da italijanska vlada sama spremeni svojo politiko do narodnih manjšin. — Toda moji članki so dvignili burjo tudi v naši stranki. Tržaško vodstvo, sestojече tedaj skoraj iz samih Italijanov — Regent je bil v opoziciji —, ki ni ves čas ničesar vedelo o političnih sporih, potekajočih med slovenskimi sodrugi, samo pa je bilo še vedno ujeto v stara stališča o narodnem vprašanju še iz časov predvojne prakse, je protestiralo. Po članku v »Piccolo« je — kakor se zdi — celó objavilo v »Lavoratorju«, da stranka nima nič skupnega z mojimi članki, od CK pa je zahtevalo, da se vmeša in hitro ukrepa proti meni. Prav v tistem času (ravno tiste dni sem prišel v Trst) sem imel ostre spore s tajnikom pokrajinskega odbora Negrijem, s sodrugi Marinijem, Jaksetičem in drugimi. Negri se je jezil predvsem zato, ker naj bi delali Slovenci mimo Oblastnega odbora.¹⁵ Marini je dejal, da so moja stališča pravi nacionalizem, da so pri nas popolnoma drugačne razmere kakor v deželah, na katere se nanaša taktika Kominterne glede narodnega vprašanja, ki ne dopušča primerjave vprašanja Julijske krajine niti z Alzacijo in Loreno, kaj šele z vprašanji Hrvaške, Makedonije in drugih provinc. Jaksetič je kazal več razumevanja, toda tudi pri njem so še prevladali stari predsodki. —

Maja sem se peljal v Rim na povabilo Gramscija, s katerim sem imel že na Dunaju vrsto razgovorov o Julijski krajini. CK je medtem nekako pomiril tržaške sodruge glede mojih člankov, toda vprašanje nac. politike v Julijski krajini je zaenkrat še ostajalo odprto. CK je rajši prej izvedel v vrstah KPI evolucijo od starih soc. dem. stališč k boljševiskem razumevanju narodnega vprašanja tako, da je postopoma obšel ostre spopade in diskusije. Če je ta metoda obvarovala stranko pred pretresi, ki bi bili lahko nastali zaradi ostrega preloma, pa ni mogla uvesti popolne jasnosti med sodruge in to je vzrok, da se je bilo treba v vsem nadaljnjem delu stranke stalno spopadati z nerazumevanjem narodnega vprašanja, ko je bilo na dnevnem redu kakršno koli politično vprašanje Julijske krajine.

V času mojega prebivanja v Rimu sem imel vrsto razgovorov z Gramscijem, Griecom in drugimi sodrugi. Napisal sem tudi poročilo o narodnem vprašanju v Julijski krajini, v katerem sem naznačil osnovne točke naše taktike in nekoliko organizacijskih predlogov. O teh vprašanjih so razpravljali na nekem posvetovanju rimskega dela CK, na katerem sem bil prisoten tudi jaz, in te predloge so sprejeli. Sprejeti so bili tudi predlogi o uporabi taktike enotne fronte pri nas. V zvezi s tem mi je Grieco tudi pravil, da je že imel nekake

¹⁴ Fédération Balcanique.

¹⁵ Mišljen je pokrajinski oz. deželni odbor KPI za Julijsko krajino.

razgovore z dr. Besednjakom.¹⁶ Očitno ni imel točnih predstav o značaju političnih strank v Julijski krajini in je mislil, po analogiji s strankarskimi grupacijami v Italiji, da predstavljajo »liberalci« slovensko buržoazijo, klerikalci pa kmete, in je prišel do sklepa, da se lahko uporabi taktika enotne fronte s klerikalci. Po mojem mnenju je taktika enotne fronte morala zasledovati to, da bi bila vzbudila novo levo strujo med nacionalisti obeh smeri, posebno med mladino, ki ni bila zadovoljna z oportunistično politiko voditeljev — ob izključitvi vsake »diplomacije« z voditelji, posebno s klerikalnimi, ki bi bili mogli izkoristiti vsak najmanjši poskus našega približanja njim samo za svojo demagogijo med množicami.

Po mojem povratku v Trst sem izkoristil čas, ki mi je bil še na razpolago do mojega odhoda v Jugoslavijo, za to, da seznanim slovenske sodruge z vprašanji, ki smo jih obravnavali v Rimu. Položaj naše organizacije v slovenskem delu pokrajine je bil tedaj skrajno slab. »Delo« ni izhajalo. Pokrajinski odbor ni poskrbel za vodstvo gibanja v slovenskem delu, omejujoč se faktično na dejavnost samo v italijanskem delu pokrajine. Slovenske organizacije so bile prepuščene same sebi. Stalni spopadi med Regentom, ki je bil tedaj v opoziciji, in Pokrajinskim odborom so še bolj dezorganizirano vplivali na gibanje. Sklicali smo posvetovanje slovenskih sodrugov, ki smo se ga udeležili Regent, Hreščak, Pahor, Rován, Ferjančič, Vatovec in jaz. Jaz sem podvrget ostri kritiki vso našo prejšnjo dejavnost, poročal sem o svoji poti v Rim in predložil, da se skliče redakcijski odbor »Dela«, ki naj bo za sedaj nekaj politični vodilni organ gibanja med Slovenci. — Prišlo je do zelo ostre diskusije v glavnem zopet glede narodnega in kmečkenga vprašanja, pa tudi glede vprašanj, ki so bila povezana s poskusi, da se izkoristijo naši nesporazumi za boj proti CK na podlagi bordigijanskih postavk.¹⁷ Hreščak in Pahor sta podpirala Regenta, Ferjančič, Rován in Vatovec — še vedno neodločno — mene. V političnih vprašanjih se zopet nismo dogovorili, nismo se dogovorili tudi glede redakcijskega odbora, vendar pa smo napravili nekaj ukrepov glede lista.

Po mojem povratku iz Jugoslavije sem zopet imel možnost, da se bolj aktivno udeležujem gibanja v Julijski krajini (september 1925—april 1926), ko sem postal član Pokrajinskega odbora kom. stranke. Koncentriral sem svoje napore v prvi vrsti na to, da zboljšam ozračje, ki je nastalo zaradi slabih medsebojnih odnosov med Pokrajinskim odborom in slovenskimi sodrugi. Predložil sem, da se organizira pri Pokr. odboru poseben slovenski odbor z naslednjimi nalogami: 1. Vsa konkretna obdelava strankine politike v slovenskem delu pokrajine. 2. Vodstvo lista, 3. Stalna zveza s kom. organiz. v Sloveniji. Predlog je bil sprejet in v ta odbor so vstopili Regent, Pahor in Ferjančič pa tudi jaz kot predstavnik Pokr. odbora. Atmosfera se je zboljšala in delo je steklo z velikim elanom. Toda kljub temu je pred nas spet stopilo vprašanje taktike v narodnem vprašanju, ko je šlo za praktično uporabo te taktike in za realizacijo prvih korakov glede enotne fronte. Tu sem naletel na principialne ugo-

¹⁶ Dr. Engelbert Besednjak, voditelj krščansko-socialne struje v Julijski krajini.

¹⁷ Gre za politično linijo Amadea Bordige, generalnega sekretarja CK KPI v prvih letih po ustanovitvi KPI. Na III. kongresu KPI januarja 1926 je Bordigovo sektaško politiko izpodrinila Gramscijeva nova politika, ustrezna položaju v fašistični Italiji. »Opozicija« Ivana Regenta, ki jo je omenjal Martelanc, se nanaša na njegovo pripadnost Bordigovi struji.

vore pa tudi na nerazumevanje tako pri slovenskem odboru kakor tudi v Pokr. odboru, čeprav so se posamezni italijanski sodrugi, kakor npr. Jaksetič, Negri i. dr. že prepričali, da so bila prejšnja stališča nepravilna. — Kmalu je postalo očitno, da se bomo brez poprejšnje principialne obdelave naših postavk in ne da bi jih sprejeli vodilni sodrugi, še nadalje vrteli na mestu. Zato sem sklenil, da postavim vprašanje na ostrino. Napisal sem poročilo — teze, v katerih sem se dotaknil vseh vprašanj našega polit. in org. dela v Julijski krajini in na široko razvil svoje postavke o narodnem in kmečkem vprašanju. Marca 1926. leta je zasedal pokrajinski kongres naše stranke, toda zaradi ilegalnih razmer, v katerih je potekal, se je mogel ukvarjati samo z organizacijskimi vprašanji in slovensko vprašanje na njem je spet ostalo nedotaknjeno. Zato sta bili o tem vprašanju dve seji Pokrajinskega odbora s slov. odborom v prisotnosti Scoccimarra v imenu CK, na katerih sem nastopal jaz s svojimi postavkami. Sledila je dolga, deloma tudi ostra diskusija, ki je bila — kolikor je meni znano — prva vsestranska in temeljita razprava pred odgovornim strank. organom o vseh vprašanih naše politike v Julijski Benečiji. Prej so tekle vse razprave samo kot privatni razgovori ali neoficialna posvetovanja. — Nastopil je Regent z ostro kritiko mojih postavk; izrekel se je proti vsem geslom o samoopredelitvi, o slovenski delavsko-kmečki republiki in podobno, trdeč, da moramo mi v naši agitaciji dopustiti samo naglašanje dejstva, da bo dala proletarska revolucija Slovencem vse nar. pravice. Podpiral ga je tudi Pahor. Med italijanskimi sodrugi je nastopil Bubnig, ki je reduciral vse vprašanje na to, da bi enostavno oskrbeli prevod vse agitacije KP v slovenski jezik, ne priznavajoč obstoja kakršnegakoli narodnega vprašanja in potrebe kakršnekoli posebne narodne politike. Ostali sodrugi so izražali vse mogoče bojazni, da ne bi mi zagazili v nacionalizem, ugovarjali so posameznim mojim postavkam, niso pa izražali posebne linije. Na koncu je nastopil Scoccimarro, ki je — proti pričakovanju vseh prisotnih, med njimi tudi mene — na vsej črti podprl moje postavke, rekoč, da popolnoma ustrezajo taktiki Kominterne in so njena konkretna aplikacija na razmere v Julijski Benečiji. — V tem času moje dejavnosti sem se trudil napraviti vrsto korakov in ukrepov za formiranje enotne fronte z levimi elementi med nacionalisti. Izdelal sem širok načrt dela, ki naj bi bil še potrjen v CK. Slednji je to stvar zavlačeval, kar se je tedaj izkazalo kot zelo koristno. Ljudje, s katerimi sem bil povezan in mislil izvajati delo med nacionalisti, so se izkazali kot provokatorji; na ta način je bila preprečena nevarnost, da bi bili vsi mi vmešani v zelo temno zaroto morda ne toliko drobnega policijskega značaja, kolikor bolj širokega političnega, zakaj fašistične oblasti so vodile pri nas zelo prefinjeno politiko, ki se je odražala včasih v relativni prizanesljivosti do komunistov, kolikor je naša dejavnost močno podkopavala silo slovenskega nacionalizma v Julijski krajini, v katerem so fašisti zaenkrat videli bolj nevarnega nasprotnika, kakor v našem gibanju.

Narodno vprašanje je bilo sedaj pri nas več ali manj prečiščeno, ostalo je samo še, da sistematično uresničimo sprejeto linijo. Nadejal sem se, da bom sedaj izvajal to delo, toda že čez mesec dni sem moral zopet odpotovati. V nadaljnjem je strankina organizacija pri nas že marsikaj napravila v tej smeri. Počasi se je tudi večina sodrugov prepričala o neupravičenosti bojazni, da bi zabredli v nacionalizem, prepričal se je postopoma o pravilnosti leninske po-

litike tudi Regent, kar je bil nedvomno zelo dragocen dosežek zaradi tiste avtoritete in tiste vloge, ki jo je imel v slovenskem delavskem gibanju.

Ne glede na vso evolucijo v zvezi z narodnim vprašanjem v KP le-ta vendar še ni namenila vprašanju Julijske Benečije tiste pozornosti, ki ga je zaslužilo v zvezi s stalnim zaostrovanjem italo-jugoslovanskih odnosov. Vodilni sodrugi so gledali na to vprašanje kot »obrobno«, t. j. igrajoče v notranji politiki Italije drugovrstno vlogo, medtem ko je v zvezi z vedno bolj aktivno imperialistično politiko Italije igralo veliko pomembnejšo vlogo. Sploh je treba reči, da je KPI v svoji oceni italijanskega imperializma zaostrovala svojo pozornost predvsem na njegove slabosti, na odvisnost od drugih imperializmov in na njegove neuspehe, ne pa na njegovo agresivnost in ekspanzivnost. To je privedlo do tega, da se v očeh množic niso razkrinkovale, kakor je bilo potrebno, vse tiste zavojevalne kampanje, ki jih je fašizem izvajal in izvaja na vsakem koraku v svoji množični agitaciji, izhajajoč iz trditev, češ da je bila Italija v imperialistični vojni prikrajšana v svojih svetih pravicah za Dalmacijo in druga ozemlja. Koliko so te kampanje vplivale na množice, se je moglo videti iz razgovorov, ki sem jih imel z mnogimi italijanskimi komunisti, in celo pri vidnih strankinih delavcih, ki so sami kazali nepričakovano nepoučenost glede pravega stanja stvari. Kar zadeva uvajanje leninskega pojmovanja nacionalnega vprašanja, posebno pravice do odcepitve, ne samo med široke množice, ampak celo med partijce, je ostalo še mnogo neprehojene poti. Ena najboljših možnosti, ki jo je imela stranka na voljo — njena parlamentarna dejavnost — je ostala v tem pogledu skoraj neizkoriščena. Jaz sem često govoril o tem z Gramscijem, sprejeti so bili tudi vsi moji predlogi glede tega, toda očitno se je tudi pri tem vprašanju stranka držala taktike delati postopoma in oprezno; prvi in zdi se mi edini korak v tej smeri je bila demonstracija v parlamentu za pravico samoopredelitve glede Avstrije v njenih odnosih z Nemčijo. V času, ko so slovenski nacionalistični poslanci v parlamentu razvili široko dejavnost z vprašanji in interpelacijami, ni slovenski komunist. poslanec sodr. Srebrnič niti enkrat izkoristil, da bi našo politiko načelno zoperstavil politiki nacionalistov, niti da bi postavil krajevne zahteve. Šele od 1927. leta dalje se je vprašanje Julijske krajine pojavljalo nekoliko češče v italijanskem strank. tisku. Toda tudi tu ne gre brez načelnih napak. Sodr. Grieco n. pr. je kazal nagnjenje k polnemu izenačenju narodnega vprašanja s kmečkim vprašanjem. Neko moje poročilo, ki je izšlo predelano v »Stato operaio«, je bilo opremljeno s pripombo Grieca prav v tem smislu. Vprašanje julijskih Slovencev se je postavljalo izključno kot vprašanje kmečke rezerve italijanske proletarske revolucije. Ideja hegemonije proletariata se sprevača v tem primeru v idejo hegemonije italijanskega proletariata v odnosu do slov. kmetov, medtem ko smo mi pojmovali, da bo morala v procesu slovenske narodne revolucije pri verjetni odcepitvi naše pokrajine od Italije vloga hegemonu preiti na slovenski proletarijat naše krajine ne samo v okviru Julijske Benečije, marveč tudi v odnosu do bolj industrialno zaostale jugoslovanske Slovenije in avstrijske južne Koroške. Tak industrijski center kakor Trst — ne glede na to, da je njegov proletarijat po svojem narodnem sestavu italijanski ali zaradi dolgega denacionalizatorskega dela italijanske buržoazije italijaniziran — in da slovenskih delavcev ni več ko ena tretjina — more in mora odigrati ogromno vlogo v revoluciji in vplivati na ozemlja široko razprostirajoča se prek meja Slovenije.

Tak center je n. primer Harkov za Ukrajino ali Baku za vse Zakavkazje. Zato je bilo treba postavljati slovensko vprašanje na nivoju perspektiv revolucije v srednji Evropi in na Balkanu, ne pa ga omejevati z okvirjem perspektiv italijanske revolucije. Pa celo v primeru neistočasnega razvijanja revolucionarnih dogodkov v Italiji in v deželah srednje in južnovzhodne Evrope bi bila naša naloga boriti se za proletarsko Slovenijo, čeprav samo v mejah Julijske Benečije s Trstom na čelu kot privlačno točko za ostale slov. dežele in bližnje province, pri posebnem naglaševanju *začasnega* značaja take razrešitve vprašanja s perspektivo odcepitve v nadaljnjih dogodkih. Zato bi bila morala stati v centru agitacije italijanskih komunistov o nacionalnem vprašanju prav pravica do odcepitve, ne govoreč o samo po sebi razumljivi obveznosti za komuniste vladajočega naroda, obveznosti, ki sledi iz leninskega in stalinskega obravnavanja narodnega vprašanja, zaostrovati to geslo principialno, na sploh, t. j. neodvisno od perspektiv bodoče konkretne oblike, ki jo bo zavzela samoopredelitev dane narodnosti. — Prav te postavke ni bilo v KPI, na mesto tega pa strahovi, kaj bo z našo pokrajino, če bo revolucija v Italiji, pojdejo li Slovenci z nami ali sprejmejo rajši jugoslovansko okupacijo. Grieco je napisal v »Stato operaio« vrsto člankov o programatičnih tezah KP glede vprašanj italijanske revolucije. V eni izmed njih razdeli bodočo Italijo na tri SSSR: SSSR Južna Italija, SSSR Srednja Italija in SSSR Severna Italija, »h kateri se bosta poslednji pridružili še SSR Slovenija in SSR južna Tirolska«. Tako postavljanje vprašanja je moglo dati samo orožje v roke našim in jugoslovanskim nacionalistom, katerih osnovni argument v boju proti nam je bilo geslo: »Italijanski komunisti zasledujejo glede Slovencev prav takšno imperialistično politiko kakor italijanska buržoazija.«

Za časa svojega dela v Italiji leta 1927 sem upal, da se popolnoma posvetim delu, da prebudim v življenje ta načela, ki sem jih izdelal v prejšnjih petih letih svoje dejavnosti. To je bil cilj mojega prihoda. S tem je bil v začetku soglasen tudi CK, samo vprašanje bi bilo moralo biti rešeno v Moskvi na pričakovanem plenumu IKKI skupno s KPJ. Toda potem se je stvar zavlekla in mene so poslali na drugo delo. Za časa svojega prebivanja v Benetkah in Julijski Benečiji sem zopet napisal obširno poročilo za CK. Pripravljal sem se tudi, da nastopim s kritiko stališč sodr. Grieca, objavljenih v »Stato Operaio«, toda kmalu po tem sem bil aretiran. — Moj »kompromis« s fašistično policijo, ki je temu sledil, meče ne glede na vso globino napake, ki sem jo napravil, jarko luč na vprašanja, povezana s politiko italijanskega imperializma na Balkanu in daje v roke KP zelo zanimiv material glede tega vprašanja.